

Българите в Северното Причерноморие

ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

ТОМСЕДМИ

ПРАБОЛГАРСКИЕ ГОРИЗОНТЫ СУДАКСКОГО ГОРОДИЩА СЕРЕДИНЫ XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X вв.

Игорь Баранов, Вадим Майко

В исторической топографии раннесредневековой Сугдеи особое место занимает Судакское городище, существовавшее с середины XII в. и до завоевания Сугдеи турками в 1475 г. Расположенное на берегу моря, оно занимало площадь обширной в древности бухты между горами Джаневез-Кая (Крепостная) и Полвани-Оба (Болван), а так же их южные отроги, где постройки располагались террасами. Не исключено, что древнейшая часть городища оказалась вследствие поднятия уровня моря под водой. Однако о размерах затопленного участка и характере и хронологии его застройки на сегодняшний день нет достаточных данных. Общая исследованная площадь памятника составляет приблизительно 650 м², что составляет менее 5 % общей площади объекта. Тем не менее, можно предположить квартальное расположение объектов на площади городища (Рис. 1).

Изучение раннесредневековых древностей Судакского городища было начато М. А. Фронджуло в 1963 г. В разных частях памятника им было заложено три значительных по размерам раскопов. Однако обширный археологический материал как V – VI, так и второй половины XVII – XV вв., полученный в процессе многолетних исследований, за небольшим исключением¹, не был своевременно обработан и введен в научный оборот. В 1985 г. небольшие охранные работы на участке городища проводил И. А. Баранов², а с 1993 по 1996 гг. авторы³. Ранневизантийские и раннетюркские древности второй половины VII в. периода возникновения Судакского городища были рассмотрены в отдельных работах⁴, но большая часть материалов все еще остается неопубликованной. Предметом настоящей статьи, призванной в какой-то мере восполнить этот пробел, являются салтовские горизонты городища второй половины VIII – первой половины X. Т. е. того времени, когда Сугдея превращается в столицу Крымской Хазарии.

В истории праболгарской Сугдеи, как и всей салтовской культуры Крыма в настоящее время выделяется три этапа⁵. Первый, период становления культуры, датируется второй половиной VII в. и как отмечалось, не является предметом данной работы. Два других периода вторая половина VIII – первая половина IX и вторая половина IX – первая половина X вв. Связаны с т. н. второй волной переселения тюрок в Таврику⁶ и совпадают с относительной хронологией Судакского городища. Различия между ними связаны в основном с эволюцией праболгарской культуры полуострова. Таким образом, нижнюю

хронологическую границу предложенного праболгарского периода истории Сугдеи определяет захват города болгарями в 30–40-х гг. VIII в. и связанные с ним разрушения ранневизантийских укреплений и оногуро-кутригурских раннетюркских построек второй половины VII – первой половины VIII вв.⁷ Верхнюю – разгром праболгарской Сугдеи, поддержавшей съезные Византии войска русов Helgou, в 40-х гг. X в. хазарскими войсками под предводительством Песаха⁸.

Источником для анализа материальной культуры праболгар Судакского городища в указанный хронологический период являются исключительно жилые и связанные с ними хозяйственные сооружения. К настоящему времени на трех участках раскопок их исследовано семь⁹. В шести из них салтово-маяцкий материал второй половины VIII – первой половины IX вв., образующий нижний горизонт заполнения, располагался непосредственно на полах, что свидетельствует о возникновении сооружений не ранее середины VIII в. Столь ранняя дата появления домов-пятистенок характерна только для Сугдеи и отличается от предложенной ранее для салтово-маяцкой культуры Крыма¹⁰. Это свидетельствует только о более тесных контактах салтовцев города с византийскими строительными традициями, что исходя из исторической ситуации, логично. В заполнении помещения Б дома исследованного в 1994 г. (Рис. 1, б), салтово-маяцкий горизонт подстилал слой рубежа VII – VIII – первой половины VIII в.¹¹ Это типичные городские салтовские двукамерные постройки возведенные из мелких плиток сланца и гальки т. н. техникой кладки “в елку” на всю высоту стен. Подобные постройки достаточно полно описаны в литературе, что избавляет от излишних повторений¹². Указанные жилые объекты Судакского городища сближают не только конструктивные особенности, но и одинаковый в принципе характер заполнения: Рассмотрим его стратиграфическую картину на примере помещения Б дома-пятистенки исследованного в 1994 г. (Рис. 2). Как уже отмечалось, нижний слой зеленоватой глины содержал материал первой половины VIII в. Его перекрывает горизонт коричневой глины с материалом второй половины VIII – первой половины IX вв. (основание для датировки: отсутствие лепной керамики выходящей из употребления в первой половине VIII в., салтовский поясной набор первой половины IX в., отсутствие белоглиняной поливной посуды и высокогорлых кувшинов с ленточной ручкой), выше располагался слой серо-коричневой глины с материалом второй половины IX – первой половины X вв. (основание для верхней даты: в слое пожара отделяющего слой от перекрывающего горизонта второй половины X в. обнаружены три медные херсоновизантийские монеты Константина VII и Романа II /после 944 г./). Каждый из указанных слоев отделен от предыдущего прослойкой органики. Основываясь, во-первых, на подобии стратиграфической картины заполнения жилых салтовских сооружений Судакского городища, во-вторых, на единичных элементах комплекса находок, материальная культура оставивших их праболгар будет рассмотрена в комплексе. При этом, обязательно с учетом характерных отличий как в самом материале, так и в процентном его соотношении для стратиграфически выделяемых горизонтов второй половины VIII – первой половины IX и второй половины IX первой половины X вв.

Амфоры представлены несколькими типами. Тип I – красноглиняные тонкостенные амфоры с гладким туловом, покрытым слоем ангоба светлого цвета (Рис. 4, 9). Амфоры этого типа типологически близки сосудам из нижних горизонтов и хозяйственных ям поселения Тау-Кипчак, особенно амфорам типа 2 согласно

разработанной типологии¹³. Встречены достаточно редко исключительно в объектах первого периода в виде более или менее крупных фрагментов. Вероятно к началу IX в. они выходят из употребления. Тип II – красно и оранжевоглиняные амфоры местного производства с зональным рифлением. Они достаточно хорошо известны как в Крыму, так и за его пределами на раннесредневековых памятниках различных культур¹⁴. На основании формы тулова, профилировки венчика можно выделить несколько их вариантов. В датированных комплексах Судакского городища они присутствуют начиная с рубежа VII – VIII вв. И являются преобладающими до середины IX в. Вместе с тем, в объектах второй половины IX в. они встречены уже в виде фрагментов, а первой половины X в. – вообще отсутствуют (Рис. 4, 12). Своеобразным ранним вариантом данных амфор является совершенно аналогичный по морфологическим показателям сосуд, но с линейно-волнистым, довольно глубоко прочерченным орнаментом, подлощенной поверхностью и плоско-вогнутым дном (Рис. 3, 6). Отдельным вариантом данных амфор являются аналогичные по морфологии сосуды, но с росписью белым, реже бордовым ангобом по плечикам и шейке (Рис. 4, 11). Тип III – амфоры причерноморского типа местного производства. Печи по их изготовлению достаточно хорошо изучены в Херсонесе, южном и особенно юго-восточном Крыму¹⁵. До недавнего времени эти амфоры считались достаточно однообразными¹⁶. Археологические материалы, происходящие из портовой части Сугдеи позволяют говорить как минимум о четырех подтипах включающих несколько вариантов, отличающихся как по морфологии, так и по технологическим показателям. Подтип I – амфоры небольших размеров (38 – 44 см) с небольшими ручками прилепленными ниже валикообразного венчика, имеющие по центру ребро. В нижней части тулова заметен слабовыраженный перехват. Пока можно выделить пять их вариантов. Вариант 11 – округлодонные оранжево и красноглиняные амфоры с заглаженной поверхностью и отдельными мелкими примесями шамота и извести (Рис. 4, 1). Вариант 12 – аналогичные амфоры имеющие более короткое горло, небольшие прилепленные под венчиком ручки, гладкое тулово с рифлением в придонной части и плоско-вогнутое дно. Вариант 13 – аналогичные ангобированные сосуды со шлемовидным дном, изготовленные из бордовой глины, иногда украшенные росписью белым ангобом, с более обильными примесями шамота и извести. Рифление регулярное, широкое и глубокое типа “набегающей волны” (Рис. 4, 10). Вариант 14 – наиболее распространенный, оранжевоглиняные сосуды с округлым дном с обильными примесями шамота и маленькими ручками отходящими от округлого венчика (Рис. 4, 2). Вариант 15 – аналогичные по морфологии ангобированные красноглиняные сосуды с заглаженной поверхностью и отдельными примесями извести. Рифление по тулову мелкое, небрежное, на плечиках – глубокое, плавное и равное. Подтип 2 – амфоры аналогичные подтипу I, но имеющие несколько иные технологические показатели. Немногочисленность находок делает их разбивку на варианты пока преждевременной. Несмотря на различия в характере рифления и некоторых морфологических показателях их объединяет не характерное для местных амфор причерноморского типа оранжевоглиняное тесто с примесями извести и пиритов (Рис. 4, 3-5). В литературе высказана точка зрения о их производстве за пределами полуострова¹⁷, но пока нет достаточных оснований за или против данного предположения. Подтип 3 – красноглиняные покрытые красно-белым ангобом амфоры более крупных размеров (50 – 55 см), имеющие гладкое тулово с практически не выраженным рифлением,

более вытянутое горло и соответственно более массивные ручки с ярко выраженной гранью. Подтип 4 – крупные (76 – 78 см) округлодонные красно и оранжевоглиняные амфоры со слаборифленным вытянутым туловом, узким высоким горлом и массивными ручками, расположенными под венчиком, в тесте примеси шамота и извести.

Вопрос о хронологических рамках существования амфор причерноморского типа является дискуссионным. Можно считать установленным, что позже середины X в. в Сугдее они не существуют. В то же время, в салтовских комплексах Судакского городища второй половины VIII они практически неизвестны, в объектах первой половины IX вв. – малочисленны и значительно уступают причерноморским амфорам с зональным рифлением. В комплексах второй половины IX – первой половины X вв. наблюдается обратная картина. На некоторых фрагментах амфор всех подтипов в небольшом количестве встречены граффито, в частности в виде двузубца или тризубца, простых углов или линий (Рис. 4, 8). Тип IV – достаточно редко встречающиеся оранжевоглиняные широкогорлые округлодонные амфоры, иногда с орнаментированной наколами или врезной волной шейкой (Рис. 4, 7). Аналогии известны в Партените, на южнобережных памятниках и в Херсонесе¹⁸. Эти сосуды встречены в Сугдее в виде достаточно крупных фрагментов в комплексах второй половины VIII – первой половины IX вв. Вопрос о месте их производства остается пока окончательно не решенным. Напротив, в наиболее поздних салтовских комплексах Судакского городища в виде отдельных фрагментов встречены амфоры, однозначно являющиеся импортными для полуострова. Это во-первых, светлоглиняные крупные рифленные грушевидные амфоры с массивными уплощенными ручками, отходящими от края венчика, имеющего паз для крышки¹⁹ (Рис. 4, 6). Еще малочисленнее и фрагментарнее находки стенок константинопольских рифленных амфор с клиновидным венчиком и амфор с венчиком в виде “отложного воротничка”. Подчеркнем, что в Сугдее отсутствуют салтовские комплексы, где бы сосуществовали указанные импортные амфоры и местные причерноморские.

Второй категорией тарной керамики, являются хорошо известные для полуострова высокогорлые кувшины с ленточными ручками. Установлено, что на полуострове они появляются в середине IX в.²⁰ и существуют по крайней мере до начала XI в. Предпринимавшиеся в литературе попытки произвести их морфологическую и хронологическую типологию не дали положительных результатов²¹. Большинство исследователей согласно с тем, что центр их производства находился на Тамани²². В пользу их северо-кавказского происхождения говорит нефтяная смола, которой пропитаны внутренние поверхности большинства кувшинов. О разработке открытых месторождений нефти в районе Зихий и Таматархи в середине X в. сообщает Константин Багрянородный²³. Высокогорлые кувшины были распространены почти исключительно на территории Хазарского каганата, особенно в Крыму²⁴. Предлагая верхнюю дату бытования этого вида тары, исследователи указывают на конец X – начало XI вв. для памятников Крыма²⁵. Тем не менее, на Дону и Тамани они продолжали оставаться в употреблении пожалуй до конца XI в. Подчеркнем, что в праболгарских салтовских комплексах Судакского городища данная категория тарной керамики значительно уступает амфорной.

К тарной керамике можно, во-первых, отнести малочисленные крупные красноглиняные кувшины на плоском массивном дне, изготовленные из амфорного теста. Аналогичный экземпляр происходит из заполнения мастерской на участке куртины XV

Судакской крепости²⁶. Во-вторых, это хорошо известные для Таврики фляги местного производства²⁷, часто с росписью белым и бордовым ангобом (Рис. 4, 13). Судя по стратиграфическим наблюдениям, они более характерны для салтовских комплексов Сугдее второй половины VIII – первой половины IX вв.

К категории кухонной керамики можно отнести находку на территории Судакского городища конического котла несколько более раннего времени на широком дне и с небольшим бортиком под венчиком (Рис. 3, 4). Типологически близкий сосуд обнаружен в заполнении упомянутого выше помещения Б дома-пятистенки.

Столовая керамика достаточно однообразна и представлена двумя основными категориями сосудов. Во-первых, это разнообразные по технологии и морфологии красно и оранжевоглиняные ойнахойи местного производства, покрытые ангобом светлого или серо-зеленого цвета, чаще всего с линейно-волнистым орнаментом, нанесенным белым, реже малиновым ангобом по плечикам и шейке кувшинов. Ручка уплощенная с характерным пальцевым прилепом на месте крепления к венчику (Рис. 6, 1-3; Рис. 7, 22). Встречены и неангобированные красно и коричневоглиняные экземпляры, более характерные для ранних салтовских комплексов Судакского городища, существовавших до середины IX в. (Рис. 7, 25). Данная категория керамики не является хронологическим индикатором. При этом, в комплексах первой половины X в. она встречена в виде мелких фрагментов. Вторую категорию столовой посуды составляет сероглиняная лошенная салтовская керамика, чрезвычайно редкая для полуострова, что связано с византинизацией керамического производства крымских салтовцев. Она представлена фрагментами стенок, украшенных лошеным орнаментом чаще всего в виде вертикальных, серо или чернолошенных полос, иногда в сочетании с диагональными, образующими “сетку” или зигзагообразными. Сопоставить, однако, их с конкретным морфологическим типом затруднительно. Исключение составляют фрагменты горшков-корчаг, формованных из серой глины и украшенных вертикальным лошеным орнаментом с петлевидными ручками, в свою очередь украшенными поперечными лошеными полосами (Рис. 7, 22). Находки подобные сосудов в Крыму – единичны. Помимо Судакского городища они обнаружены в единичных экземплярах на поселении у с. Героевка на Керченском полуострове, на холме Тепсень и в Херсонесе²⁸. За пределами Крыма горшки-корчаги с петлевидными ручками встречены в Фанагории и в материалах салтово-маяцких памятников Подонья²⁹. В целом, для керамических комплексов аланского варианта этой культуры они хотя и типичны, но встречаются не особенно часто³⁰.

Интересен фрагмент мисочки сферической формы, с лошеным орнаментом в виде треугольников, обнаруженный в портовой части Сугдее в 1993 г. (Рис. 5, 15). Типологически близкие гончарные миски известны в материалах Волинцевского поселения и Битицкого городища³¹. На памятниках салтово-маяцкой культуры данные миски единичны. Из 236 сосудов Дмитровского некрополя мисок, отдаленно напоминающих наши, всего две (катакомбы 73 и 108)³². Интересные аналогии описываемым мискам происходят из недавно опубликованных материалов раскопок последних лет Правобережного Цимлянского городища³³.

Подчеркнем еще раз, что отличительной особенностью крымского праболгарского варианта салтово-маяцкой культуры является наличие византийских элементов материальной культуры. К их числу по праву можно отнести и фрагменты

поливной посуды, являющейся составляющей салтовских керамических комплексов Судакского городища. Можно считать установленным, что начало ее производства относится к середине IX в.³⁴ Примерно в это же время она проникает в Таврику, являясь, таким образом, своеобразным хронологическим индикатором. В целом, находки поливной белоглиняной керамики на поздних праболгарских салтовских памятниках Таврики немногочисленны. За пределами полуострова – они вообще уникальны и встречены только в крупных городских центрах. Примерно такая же ситуация характерна и для Крыма, где наибольшие для салтовской культуры коллекции собраны при исследовании либо городских центров, населенных в основном носителями крымского варианта указанной культуры, либо приморских поселений наиболее подвергшихся византинизации, как в области материальной, так и духовной культуры (Сугдея, поселение на холме Тепсень, Кордон-Оба)³⁵. В процентном соотношении большинство фрагментов из салтовских комплексов Сугдеи принадлежит неглубоким чашам или курильницам с крупными петлевидными, овальными в сечении ручками на высоком неполивном прорезном кольцевом поддоне (Рис. 6, 5.6). Отличительной их особенностью является либо треугольный в сечении венчик отделенный от тулова ребром, либо слегка отогнутый закругленный, либо с небольшим пазом для крышки. Реже встречены крупные конические глубокие тарелки, иногда с рельефовидным профилированным венчиком и небольшие тарелочки с уплощенным отогнутым венчиком, отделенным от тулова ребром (Рис. 6, 7.8). К последним можно отнести и фрагменты кольцевых поддонов с рельефным орнаментом, в том числе несколько с различными вариантами крестов³⁶. Отдельную категорию составляют уникальные для салтовской культуры Крыма три фрагмента белоглиняной расписной керамики, синхронной глазурированной поливной. Вероятно, это одни из самых ранних подобных немногочисленных импортных экземпляров, проникших в Таврику. Наиболее значителен фрагмент двуручного кубка на невысоком кольцевом поддоне с четкой аккуратно выполненной росписью черно-коричневой краской, напоминающей растительный орнамент (Рис. 6, 4).

Коллекция кухонной керамики, происходящей из салтовских объектов Судакского городища, богата и разнообразна. Морфологическая типология подобных сосудов Таврики подробно рассмотрена в литературе³⁷. Однако, рассмотрение кухонной керамики Судакского городища при помощи специально разработанной методики³⁸, позволяет предположить что технологически, а, отчасти, и морфологически салтово-маяцкая кухонная керамика объектов, относящихся к двум хронологическим периодам этой культуры в Таврике, имеет закономерные отличия. Безусловно, все сосуды изготовлены на ручном гончарном круге, но степень использования его возможностей в различные периоды была не одинакова. Во-первых, для периода второй половины VIII – первой половины IX вв. характерно большее морфологическое разнообразие форм и орнаментации горшков. Встречены сосуды с уплощенным отогнутым венчиком практически без шейки и экземпляры с округлым венчиком, часто с пазом для крышки, орнаментированные простейшим линейным орнаментом и разнообразным сочетанием наколов по венчику с внешней и внутренней стороны и линейно-волнистым орнаментом по тулову (Рис. 5, 17). Только на сосудах этого хронологического периода присутствует орнамент в виде “гусеничных” наколов по краю венчика. Во-вторых, технологически для этих сосудов характерны признаки развивающихся операций заглаживания и обтачивания

и зарождающейся операции профилирования исключительно венчика горшка. Среди набора кухонной посуды объектов этого этапа в небольшом количестве в виде фрагментов присутствуют раннегончарные горшки с орнаментом в виде небрежно прочерченной волны по плечикам (Рис. 7, 11). Они типологически близки оногурским горшкам нижнего горизонта поселения Тау-Кипчак³⁹.

Для следующего хронологического периода второй половины IX – первой половины X вв. характерны сероглиняные горшки с яйцевидным туловом, изготовленные на ручном гончарном круге. Отличительной их особенностью является ярко выраженная стандартизация форм, безусловно связанная с общей византинизацией поздних салтовских памятников юго-восточного Крыма (Рис. 5, 2, 3, 6, 13, 14). Она проявилась не только в высоком качестве изготовления сосудов, но и в основных морфологических показателях, прежде всего, в однотипности профилировки эллипсоидного отогнутого венчика. Орнамент так же не отличается особым разнообразием. В основном это сочетание неглубокого линейного орнамента на тулове и многорядной волны на плечиках горшка. Вероятно, такие горшки бытовали на последнем этапе существования салтово-маяцкой культуры в Крыму. Они являются вершиной эволюционного развития лепной оногурской керамики начиная со второй половины VII в. Для этих горшков характерны признаки не только хорошо развитых операций заглаживания и обтачивания при помощи гончарного круга, но и достаточно освоенной операции профилирования. Следы, характерные для нее, отмечены как на венчике, так и на всей верхней части тулова сосуда. Таким образом, описанные кухонные салтовские горшки, могут являться своеобразным хронологическим индикатором поздних салтово-маяцких памятников полуострова. Нельзя не отметить, что именно данная салтовская керамика по некоторым показателям близка древнерусской кухонной посуде. Особенно это характерно для горшков с манжетовидным венчиком, типологически близки древнерусским (Рис. 5, 18). Добавим, что именно на днищах горшков второй хронологической группы обнаружена большая часть известных в Сугдее салтовских гончарных клейм. В основном это различные варианты простого креста, заключенного в круг⁴⁰ (Рис. 5, 7-10).

Вторую категорию кухонной посуды салтовских объектов Судакского городища составляют разнообразные по размерам серо и коричневоглиняные неорнаментированные тонкостенные горшки с покатыми плечами, относительно высокой шейкой и уплощенным плавно отогнутым венчиком (Рис. 5, 1, 5, 11, 12). Известны не только горшки, но и горшки-кувшины и ойнахой с уплощенной ручкой, отходящей непосредственно от края венчика. Технологически они идентичны посуде описанной выше и не имеют заметных отличий как в объектах первого, так и второго хронологических периодов. В литературе эта категория керамики получила условное название провинциально византийской⁴¹. Однако, на праболгарских памятниках юго-восточного Крыма она встречена исключительно в комплексе с “классической” салтовской.

Отдельные категории кухонной посуды составляют фрагменты орнаментированных пальцевыми вдавлениями венчиков крупных т. н. салтовских пифосов (Рис. 5, 16) и единичные фрагменты небольших крышек, а, возможно и мисочек (Рис. 5, 4). Фрагменты последних известны и среди материалов заполнения салтовской мастерской, второй половины IX – первой половины X вв.⁴² Однако их точная идентификация из-за фрагментарности и малочисленности затруднительна.

Индивидуальные находки в праболгарских салтовских объектах Судакского городища немногочисленны. В подавляющем большинстве они не являются датирующим материалом и встречены как в объектах первого, так и второго периодов праболгарского этапа истории городища. Изделия из железа представлены, во-первых, интересной коллекцией замков, включающей как накладки на деревянную основу, скрепленные между собой коваными заклепками, так и ключи, в том числе один многобороздчатый (Рис. 7, 19, 23, 24). Отметим, что находки железных деталей от замков не редки на городских памятниках салтовской культуры Крыма⁴³. К железным изделиям относятся и редко встречающиеся элементы конской сбруи, в том числе кольца, фрагменты удила (Рис. 7, 22, 21, 25). Нередки находки различных размеров ножей, а так же единичные фрагменты железных топориков (Рис. 7, 20). Изделия из глины представлены небольшим округлым тигельком, вероятно для выплавки цветных металлов (Рис. 7, 29), а так же разнообразными крышками и пряслицами, изготовленными из амфорных стенок. Некоторые с прочерченными граффито (Рис. 7, 12, 17, 18). Кроме того, встречены фрагменты типичных именно для праболгарского салтовского периода орнаментированных наколами крупных пряслиц⁴⁴. В отличие от описанных выше, они изготовлены непосредственно из глинистой массы. Среди немногочисленных изделий из кости представляет интерес ручка от нагайки, изготовленная, вероятно, с использованием простейшего токарного станка, а так же клык кабана с просверленным отверстием (Рис. 7, 27, 26). Последний использовался, скорее всего, как амулет. Типичны для раннесредневековых тюркских памятников Таврики астрагалы с просверленными отверстиями, зачастую залитыми свинцом, а так же с простейшими прочерченными знаками⁴⁵ (Рис. 7, 16). Немногочисленная коллекция изделий из бронзы включает уже упоминавшийся салтовский поясной набор состоящий из пряжки и двух поясных накладок (Рис. 7, 9-11), наперсток, другие элементы поясного набора, не поддающиеся точной датировке (Рис. 7, 13-15). В незначительном количестве в материалах как первого, так и второго этапов встречены стеклянные изделия, представленные исключительно фрагментами тонкостенных стаканов и рюмок на кольцевых поддонах⁴⁶. Из-за фрагментарности реконструировать их профиль затруднительно.

Таким образом, на основании имеющихся в нашем распоряжении материалов, мы рассмотрели основные элементы материальной культуры праболгарского периода истории Судакского городища. Выделенные стратиграфически и хронологически два этапа салтовской культуры Сугдеи отражают эволюцию культуры не связанную со сменой этнического состава населения. Отметим, что главное отличие второго этапа, начиная с середины IX в. связано с заметной византинизацией порок Таврики и прежде всего жителей городских центров. Все это, включая и христианизацию праболгар⁴⁷, способствовало увеличению политического влияния Византии и ослаблению, соответственно, зависимости от Хазарского каганата.

Примечания:

¹ Фронджуло, М. А. Раскопки в Судаке. – В: Феодальная Таврика. К., 1974, 139 – 150.

² Баранов, И. А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи. – В: Проблемы на прабългарската история и култура. София, 1991, 145 – 159.

³ Баранов, И. А., Майко, В. В. Раскопки в портовом районе Судакской крепости. – В: Археологические исследования в Крыму 1993 г. Симферополь, 1994, 43 – 46; Баранов, И. А., Майко, В. В. Архитектурно-археологические исследования в портовой части Сугдеи в 1993 – 1996 гг. – В: Памятники архитектуры и монументального искусства в светлых нових досліджень. К., 1996, 63 – 65; Баранов, И. А., Майко, В. В., Джанов, А. В. Раскопки в средневековой Сугдее. – В: Археологические исследования в Крыму 1994 г. Симферополь, 1997, 38 – 45.

⁴ Баранов, И. А. Болгаро-хазарский горизонт ..., 145 – 159; Баранов, И. А., Майко, В. В. Пастирско-пенковската култура и проблемът за разселването на прабългарските племена от Средното Поднепровие и Таврика. – В: Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том четвърти. Велико Търново, 1995, 71 – 88.

⁵ Баранов, И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990, 167 с.

⁶ Баранов, И. А. Таврика в эпоху ..., с. 151.

⁷ Баранов, И. А. Болгаро-хазарский горизонт ..., с. 149.

⁸ Майко, В. В. Крим и Северен Кавказ през периода от средата на X – до началото на XI в. (проблеми на етнокултурните връзки). – В: Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том шести. Велико Търново, 1997, 109 – 121.

⁹ Фронджуло, М. А. Указ. Соч., с. 142, рис. 4; Баранов, И. А., Майко, В. В., Джанов, А. В. Раскопки ..., с. 38, рис. 28.

¹⁰ Баранов, И. А. Таврика в эпоху ..., с. 50.

¹¹ Баранов, И. А., Майко, В. В. Пастирско-пенковската култура ..., с. 88, рис. 4.

¹² Баранов, И. А. Таврика в эпоху ..., с. 49, рис. 16; Фронджуло, М. А. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское. – В: Археологические исследования средневекового Крыма. К., 1969, 99 – 132.

¹³ Баранов, И. А. Таврика в эпоху ..., с. 28, рис. 9, 7.

¹⁴ Яковсон, А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979, с. 31, рис. 13, 5-7; Юренко, С. П. Производственный и бытовой инвентарь. Оружие. Украшения. – В: Славяне юго-восточной Европы в предгосударственный период. К., 1990, с. 296, рис. 66, 34; Кравченко, Н. М. Исследование славянских памятников на Стугне. – В: Славяне и Русь. К., 1979, с. 84, рис. 5, 48.

¹⁵ Фронджуло, М. А. О раннесредневековом ремесленном производстве в юго-восточном Крыму. – В: Археологические исследования средневекового Крыма. К., 1968, 133 – 143; Яковсон, А. Л. Указ. Соч., 39 – 60; Паршина, Е. А. Средневековая керамика Южной Таврики. – В: Феодальная Таврика. К., 1974, 59 – 61.

¹⁶ Яковсон, А. Л. Указ. Соч., 30 – 31.

¹⁷ Паршина, Е. А. Торжище в Партенитах. – В: Византийская Таврика. К., 1991, с. 77.

¹⁸ То же, с. 76, рис. 6; Паршина, Е. А. Средневековая керамика ..., с. 61, рис. 4. 4.

¹⁹ Яковсон, А. Л. Указ. соч., с. 72, рис. 43, 7.

²⁰ Баранов, И. А. Таврика в эпоху ..., с. 24, рис. 7, 1.

²¹ Паршина, Е. А. Торжище ..., с. 80.

²² Плетнева, С. А. Керамика Саркела-Белой Вежи. – В: Материалы и исследования по археологии СССР, 1959, 75, с. 249.

²³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989, 272 – 272.

- ²⁴ Якобсон, А. Л. Указ. Соч., 75.
- ²⁵ Баранов, И. А. Таврика в эпоху ..., с. 23.
- ²⁶ Баранов, И. А., Майко, В. В. Комплексът салтовски съоръжения в Судакската крепост. – В: Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том пети. Велико Търново, 1996, с. 86, рис. 2, 1.
- ²⁷ Якобсон, А. Л. Указ. Соч., с. 38, рис. 19.
- ²⁸ Баранов, И. А. Таврика в эпоху ..., с. 100, рис. 35, 6, 9.
- ²⁹ Атавин, А. Г. Лощеная керамика средневековой Фанагории. – В: Боспорский сборник. 1. М., 1992, с. 195, рис. 4, 1; Плетнева, С. А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989, 137–138.
- ³⁰ Плетнева, С. А. На славяно-хазарском пограничье ..., с. 137.
- ³¹ Смиленко, А. Т., Юренко, С. П. Керамика. – В: Славяне юго-восточной Европы в предгосударственный период. К., 1990, с. 281, рис. 60, 11.
- ³² Плетнева, С. А. На славяно-хазарском пограничье ..., 127–128.
- ³³ Флеров, В. С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг. – В: Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь, 1995, с. 515, рис. 24, 1–4.
- ³⁴ Баранов, И. А. Таврика в эпоху ..., с. 23.
- ³⁵ Баранов, И. А. Таврика в эпоху ..., с. 24, рис. 7, 3.
- ³⁶ Баранов, И. А. Болгаро-хазарский горизонт ..., с. 152.
- ³⁷ Баранов, И. А. Таврика в эпоху ..., 89–101.
- ³⁸ Майко, В. В. Шляхи еволюції гончарного ремесла східних слов'ян Середнього Подніпров'я VIII–IX ст. – В: Українське гончарство. Кн. 1. – К., 1993, 190–195.
- ³⁹ Баранов, И. А. Таврика в эпоху ..., с. 90, рис. 29.
- ⁴⁰ Баранов, И. А. Болгаро-хазарский горизонт ..., с. 153, рис. 5, 7.
- ⁴¹ Баранов, И. А. Таврика в эпоху ..., с. 93.
- ⁴² Баранов, И. А., Майко, В. В. Комплексът салтовски съоръжения ..., с. 87, рис. 3, 15.
- ⁴³ Фронджуло, М. А. Раскопки средневекового поселения ..., с. 116, рис. 17, 7.
- ⁴⁴ Баранов, И. А. Болгаро-хазарский горизонт ..., с. 153, рис. 5, 6.
- ⁴⁵ То же, с. 153, рис. 5, 10.
- ⁴⁶ То же, с. 153, рис. 5, 8.
- ⁴⁷ Майко, В. В., Фарбей, О. М. Християнізація тюрко-болгар Криму в світлі археологічних джерел. – Археологія. 1995, 4, 75–81; Баранов, И. А. Таврика в эпоху ..., 129–139.

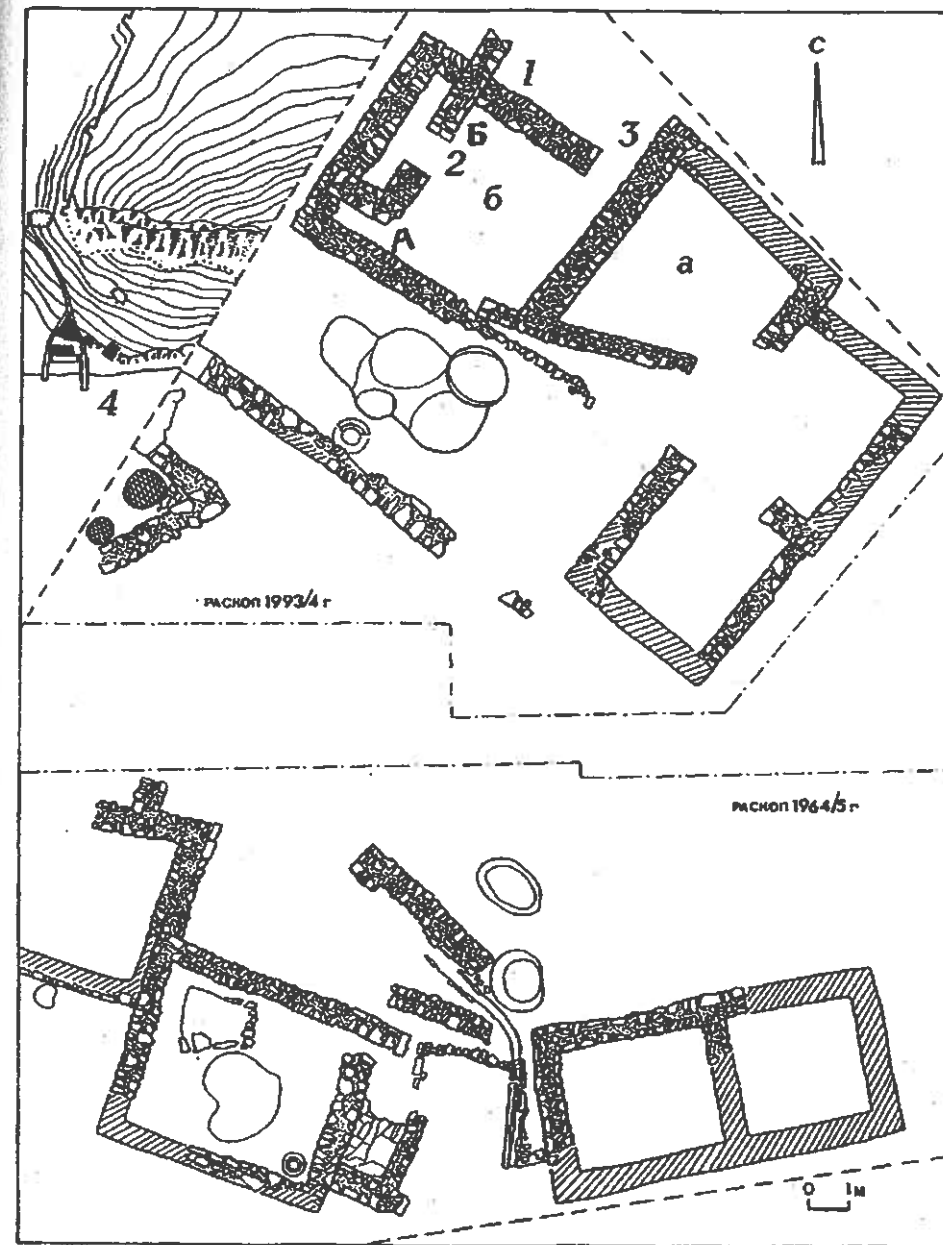

Рис. 1. Исследованные участки Судакского городища второй половины VIII – первой половины X вв.

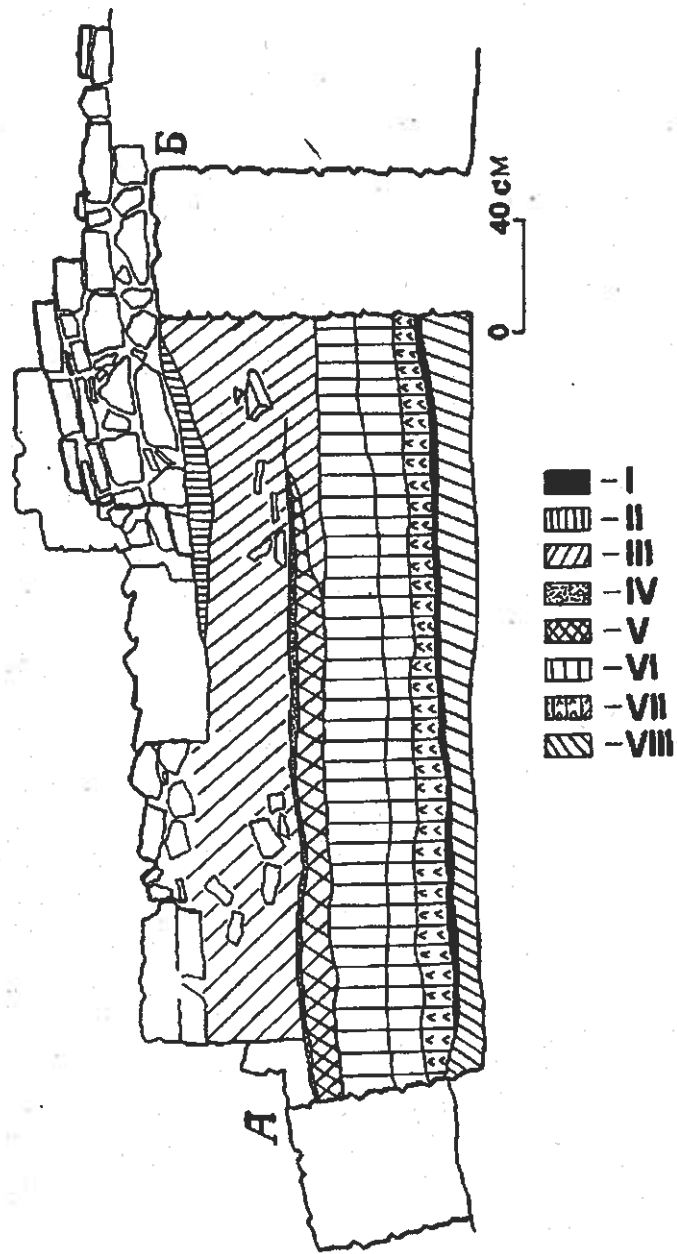

Рис. 2. Стратиграфия заполнения помещения Б дома 1994 г. I-слой углей с печиной, II-слой светло-коричневой глины, III-серо-коричневый слой второй половины X в., IV-слой печины. V-слой углей и ракушки, VI-слой коричневой глины, VII-слой зеленовато-коричневой глины. VIII-слой зеленоватой глины.

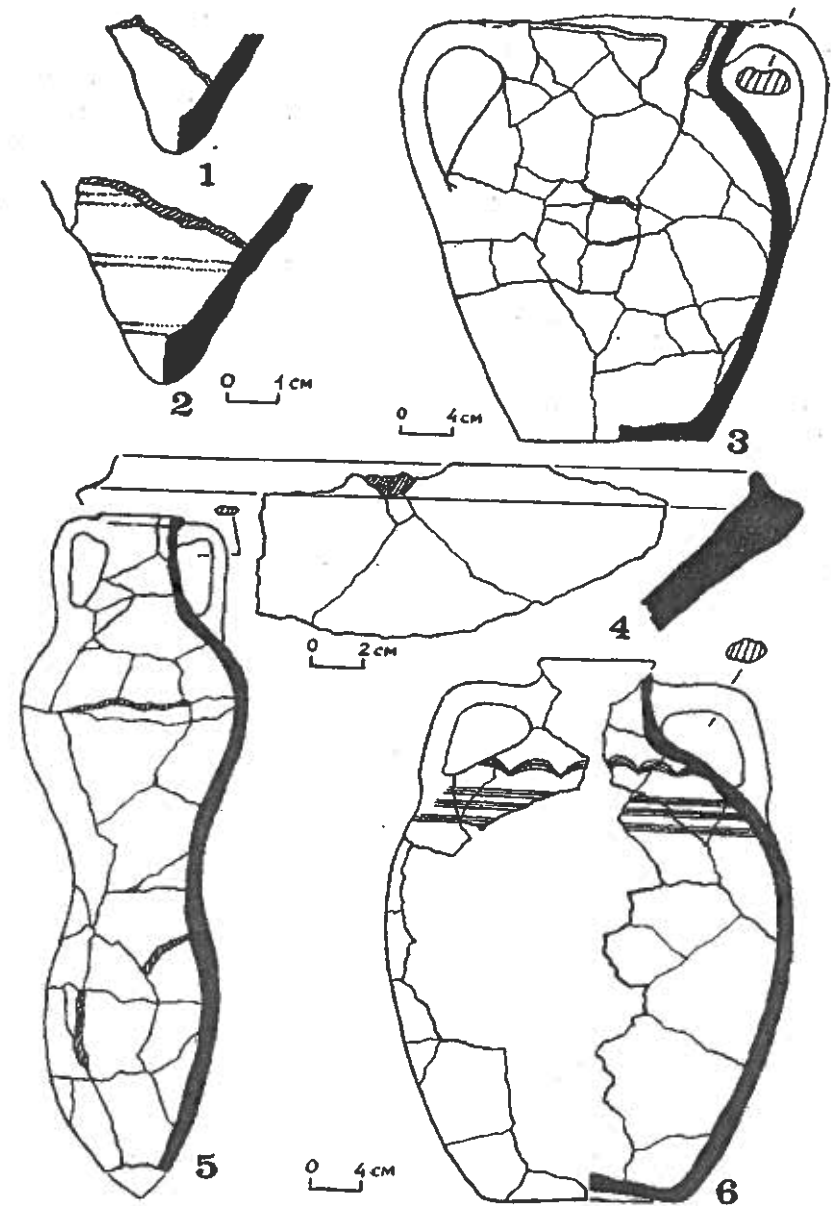

Рис. 3. Некоторые редкие типы тарной керамики из салтовских праболгарских комплексов Судакского городища.

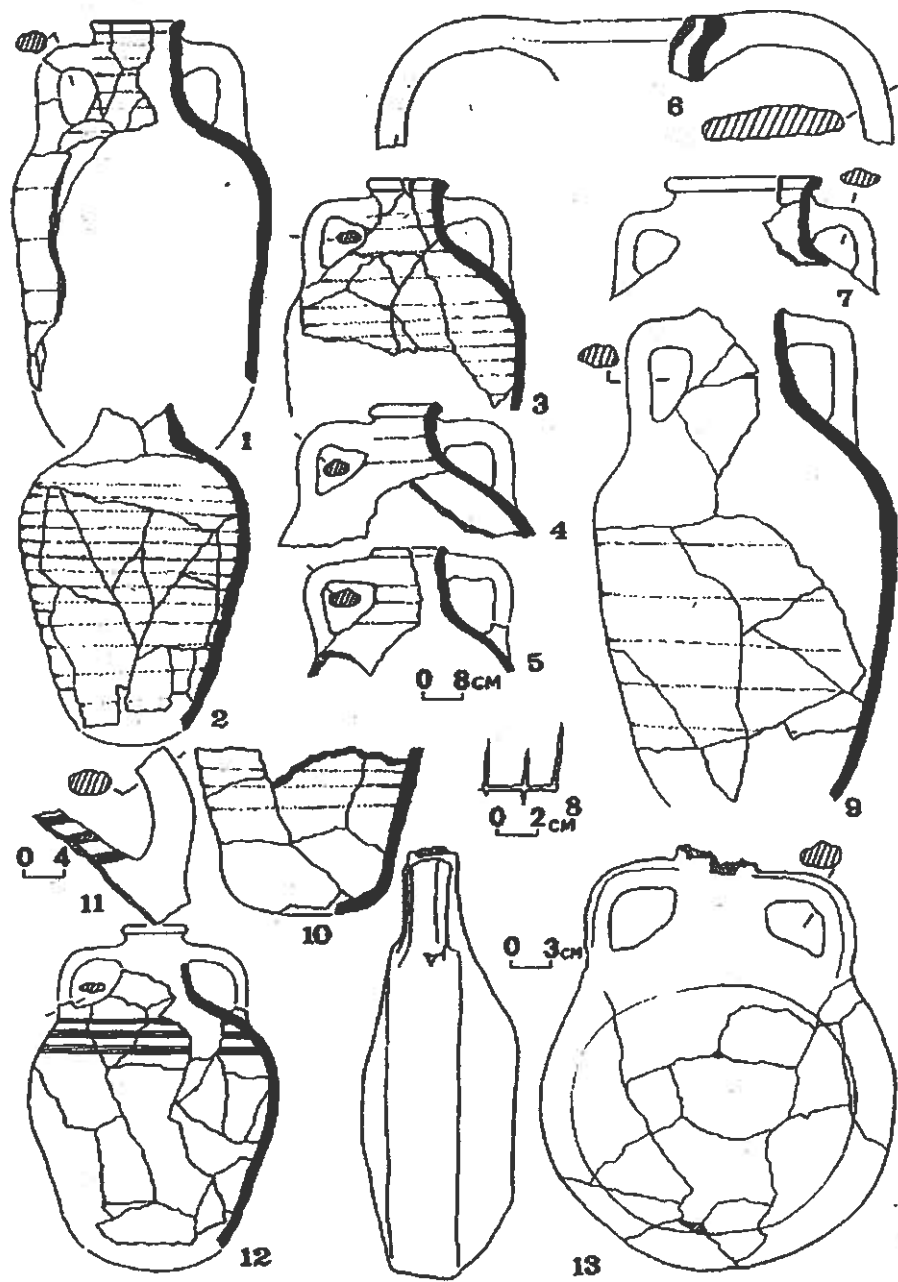

Рис. 4. Основные типы тарной керамики из салтовских праболгарских комплексов Судакского городища.

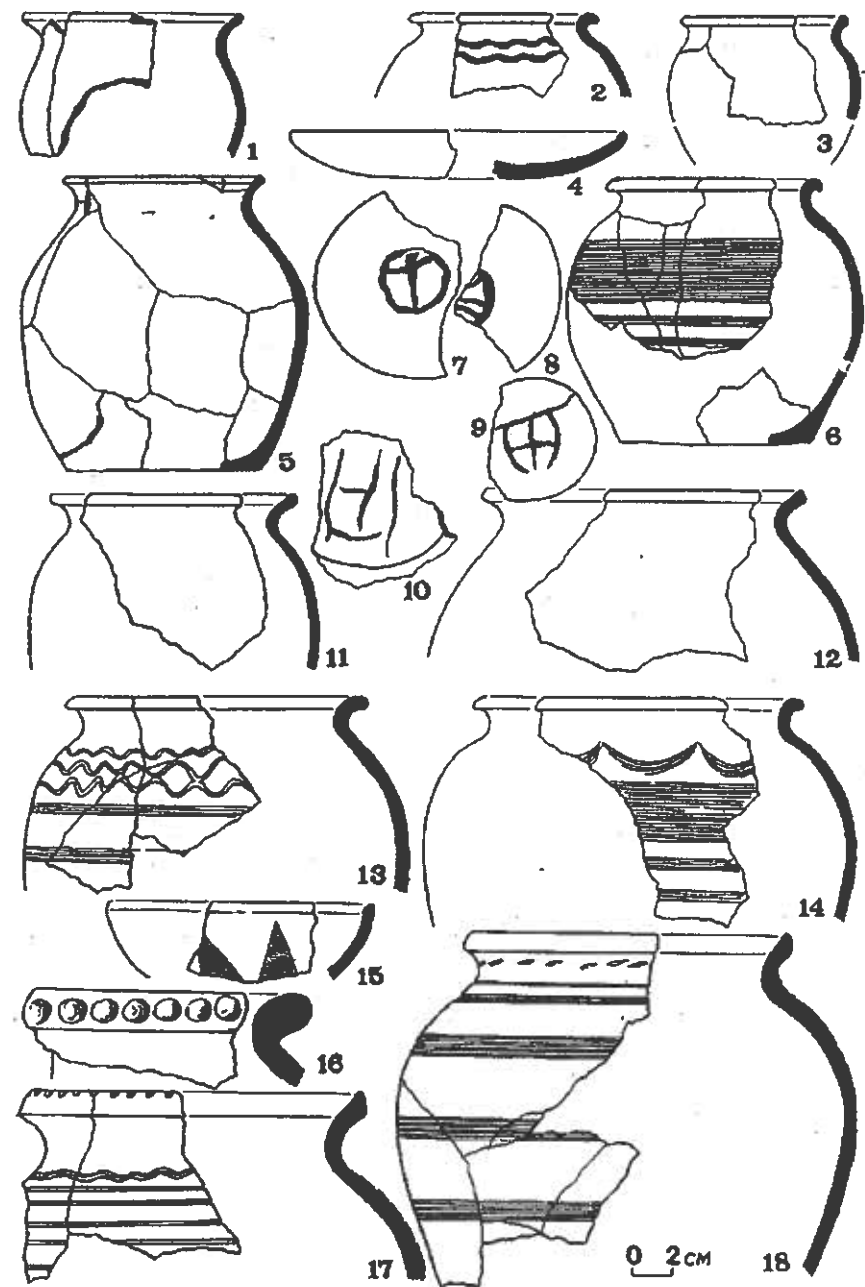

Рис. 5. Основные типы кухонной керамики из салтовских праболгарских комплексов Судакского городища.

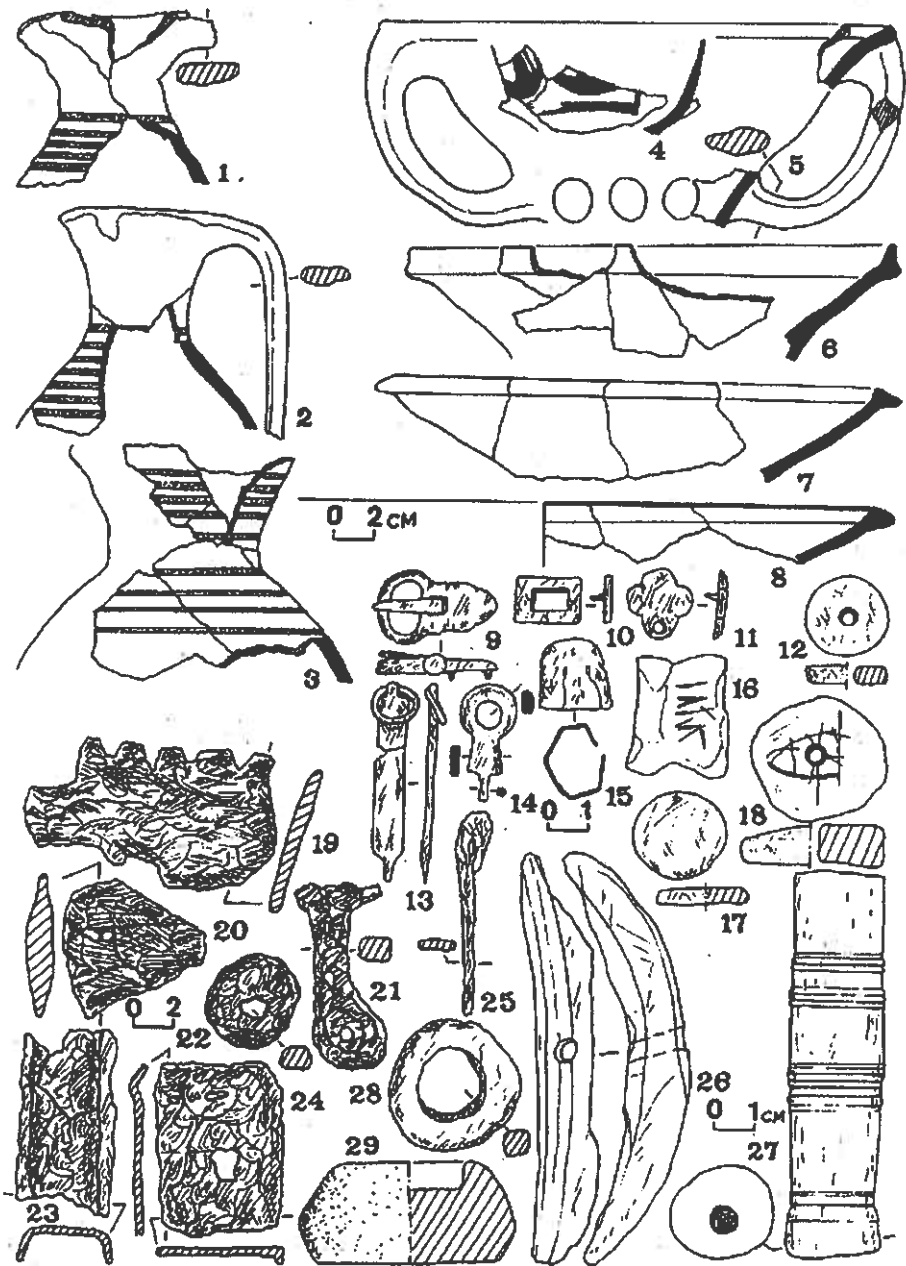

Рис. 6. Основные типы столовой керамики и индивидуальные находки из салтовских праболгарских комплексов Судакского городища.

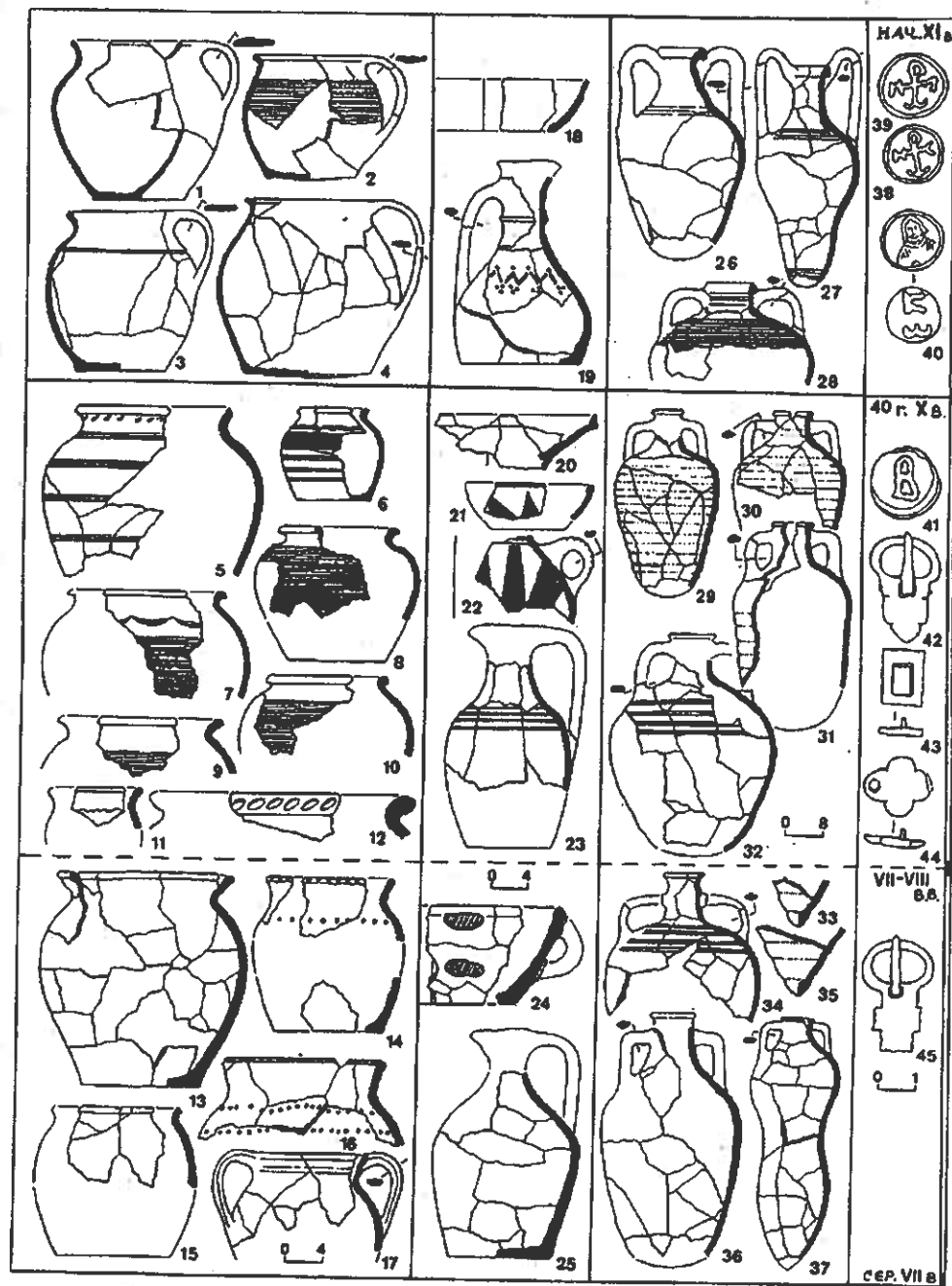

Рис. 7. Основные этапы развития и относительная хронология материальной культуры Судакского городища середины VII – начала XI вв.